

Ольга Манько

6+

КРАЙ ЗЕМЛИ

Книга первая

Ольга Манько

Край Земли. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Манько О. В.

Край Земли. Книга первая / О. В. Манько — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06664-9

Отправились гонец Ерёма и его верный друг пёс Стёпка Край Земли искать. Не по своей воле, по указанию царя Дорофея. Пришлось им и через Зачарованный лес пройти, и Землю Грёз. Повстречались на их пути ведьмы, Соловей-Разбойник, Птица Гамаюн, полуденницы... Много чудес произошло. Видели Ерёма и Стёпка, как камни оживали, как в поле колдовском из пшеницы кони появлялись. Не обошло стороной волшебство и козу Гипотенузу, ставшую Единорогом. А глашатай царя Дорофея в эхо был превращён. В сказке использованы мифологические языческие образы Древней Руси.

ISBN 978-5-532-06664-9

© Манько О. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Зачарованный лес	6
Глава I	6
Глава II	7
Глава III	9
Глава IV	11
Глава V	17
Глава VI	21
Глава VII	23
Глава VIII	27
Глава IX	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Манько
Край Земли. Книга первая

Моему внуку Алёшеньке.

Жизнь наполнена чудесами, малыши, их надо только увидеть.

Зачарованный лес

Глава I

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, страсть какой любознательный. Заинтересуют его военные науки, и все царство вместе с малыми ребятами, да старухами под ружье становятся, по плацу маршируют, маневры тактические отрабатывают. А царь со своими генералами и заморскими советниками изучает, как сподручней воевать в лаптях, али босиком. То вдруг прознает, что есть такая наука – астрономия и тут же издает Указ: «Я, Царь, велю своим государевым Указом, подданным моим каждую ночь в небо глядеть, да звезды считать. Ежели кто новую звезду углядит, то должен немедля царю Дорофею Восьмому лично доложить, и , в каком углу неба сия звезда находится». А то и того пуще. Озаботится вдруг, сколько капель воды в Ежевичной реке, что протекает через царство-государство и велит всем мужикам по колено в воде стоять, считать, сколько вёдер воды в реке, да сколько капель в ведре. Надо сказать, царь Дорофей вместе со своими подданными и по плацу маршировал, и по ночам в небе звезды считал, да и ведра с речной водой в свои царские рученьки принимал.хлопот было, конечно, невпроворот. Но дела в его царстве-государстве шли все хуже и хуже. Потому, как работный люд вместо того, чтобы пахать и сеять, то огромнейшую яму копал, чтобы царь мог посмотреть, как там Земля в серединке устроена, то по лесу ходил, считая, сколько ёлок, да березок имеется в наличии в государстве. Дворец же царский был более похож на покосившуюся избёнку, разве что о двадцати палатах, не считая конюшни, курятника, да ещё кое-чего по мелочи. Двор перед дворцом зарос лопухами и бурьяном. Любимица царя, коза по кличке Гипотенуза, сиротливо чесалась о покосившийся забор. Да дворовый пёс Фадиез сипло лаял от скуки на ленивых ворон. Народ над царем посмеивался, но перечить не смел, так как царь был нрава крутого. Ежели что, то и головы можно было лишиться в одночасье. Вот таков был царь Дорофей.

Глава II

Как-то поутру, царь вышел во двор, потянулся, зевнул, да так и замер с открытым ртом.

– Ну, всё! – глядя на Дорофея, шепнул конюх поварихе. – Видать опять мудрёные мысли царя-батюшку накрыли. Ишь, как глаза закатил. Даже не шелохнется! Чисто монумент!

– Ой, лихо, лихо! – запричитала повариха. – Опять что удумает и будем мы, точно блохи по собаке скакать!

– Вот ежели ещё минут пять так простоит, тогда да, не видать нам спокойной жизни. А ежели в палаты побежит, то верная примета, велит мудрецов созывать. Ну, а пока те мудрецы заморские приедут, да пока то да сё, я в конюшне порядок успею навести, ну а ты уж, Марфутка, по своему делу.

– Большого ума человек наш царь-батюшка. С самими заморскими мудрецами беседует, – уважительно отозвалась Марфутка – повариха. – Понимает же, что они там по-своему лопочут.

– Да уж, – согласился конюх, – умища нашему не занимать.

Дорофей меж тем рот прикрыл, задумчиво почесался и, не глядя ни на кого, побежал в палаты. Через короткое время на крыльцо дворца вышел глашатай в расшитой ливрее:

– Царь-батюшка гонца к себе вызывать велели!

Дворовый люд без интереса взглянул на глашатая, продолжая заниматься своими делами. Тот же оглядев вокруг себя, ещё раз гаркнул:

– Его Величество Дорофей Восьмой гонца к себе требуют немедля! – и от нетерпения даже ногой топнул.

– Да здесь он, здесь, – через плечо бросил конюх. – Не ори уж так.

– Как это не ори, – возмутился глашатай, – ежели Его Величество велели?

– Они звать велели, а не орать.

– За то меня и во дворец взяли. Голос говорят у меня зычный.

– Ага, зычный. Только через твой зычный голос гнедая с испугу косить начала, а Гипотенуза доиться перестала.

– Что ж поделать, ежели у меня талант. Царь-батюшка так сами и сказали. У Сидора, говорят, талант! Он, говорят, даже медведя своим голосом, говорят, завалить сможет! Во, как меня уважают!

Опять напрягся и сотряс воздух:

– Гонец! К царю живо! А не то царь-батюшка велел твою бестолковую голову рубить и на кол садить ея.

Стог сена, стоящий у забора, зашевелился, из него вылез Ерёмка-гонец. Лицо помято, кафтан грязен, а в рыжих волосах солома:

– Чью голову? Куда садить?!

– Твою, Ерёма, твою, – важно подтвердил глашатай.

– Не, ну вы там во дворце думаете, что у нас у всех голов по три штуки на каждого. Чуть что – рубить.

– Ты не болтай, а ступай к царю-батюшке, а то и пустозвонить скоро нечем будет. Лишишься языка вместе с головой.

Ерёма засуетился, отряхнулся и припустил в царские палаты.

Царь в нетерпении ходил из угла в угол. Переодеться он так и не успел. На мятую ночную рубаху накинул парадную мантию, а голову украсил мономаховой шапкой. Еремей, вбежав в залу, упал в ноги царю:

– Туточки я, царь-батюшка, прибыл по вашему велению-приказанию.

– Где тебя носит, негодник? – спросил Дорофей, но было видно, что спросил для острастки. Мысли его витали где-то далеко.

– Я это... я, Ваше Величество, в соседнюю деревню бегал.

– Другой раз балабонить будешь. Дело у меня к тебе, можно сказать, не просто государственной, а наиважнейшей важности! – Дорофей был взволнован чрезвычайно.

Еремей погрустнел. Хоть и гонец, но был ленив и страсть, как не любил бегать по царским делам. Царь меж тем продолжал:

– Слушай меня внимательно, Ерёма. Пойдешь на Край нашей матушки Земли. Посмотришь, где он располагается. И самое главное! Поглядишь, что за тем Краем деется. Как там Луна и Солнце помещаются, да узнать надобно тебе – на китах, али слонах Земля держится. Смекаешь, какой важности я тебе задание даю?

– Да где ж тот Край Земли находится? В какую сторону идти?

– Дурак ты, Ерёма! – засмеялся Дорофей. – Ежели бы я знал, где Край Земли находится, зачем мне тебя туда посылать? Без тебя бы уже всё узнали. И про слонов, и про китов, и про Солнце с Луной. Не мешкая собирайся в путь-дорогу.

– Царь-батюшка, путь-то неблизкий будет.

– Знамо дело, неблизкий.

– Так это, того, лапти мои скороходы прохудились. Как же я в худых лаптях по иноземным землям бегать буду?

– Побегашь, – сердито ответил Дорофей. – Не напасешься на вас казенного имущества.

– Ага, я-то могу. Но меня спросят: «Из какого ты царства-государства, гонец?». А я в ответ: «Из царства царя Дорофея Восьмого – ученого». А они мне скажут: «А что же у вашего ученого царя новых лаптей не нашлось для гонца при деле такой наиважнейшей важности?» И что я должен буду отвечать, Ваше Величество?

– М-да, – задумался царь, – неладно. Скажешь ключнице, пусть новую обувь тебе выдаст.

– Премного благодарствую, Ваше Величество. Я уж как лапоточки получу, так сразу в путь и отправлюсь. Ещё одна просьбочка есть, царь-батюшка. Хотел бы яс собой взять Фадиеза. Одному-то страшновато по чужбине бродить, а тут всё душа живая рядом.

– Да, бери, бери. Толку от него в хозяйстве никакого, глядишь, может и правда тебе сгодится.

Еремей поклонился царю и бегом из дворца. Побоялся он, что Дорофей ещё чего удумает, и хлопот вообще не оберешься.

Глава III

Собрался гонец быстро. Новые лапти-скороходы спрятал в котомку, подпоясался, позвал Фадиеза и двинулся в путь. Вышёл за околицу, да остановился. В какую сторону идти и не знает. Направо посмотрел – лес чащобный, темный, страшный. Налево глянул – Ежевичная река бурлит, через пороги несёт воды сильные. Прямо – дорога в Лысую гору утыкается. На её вершине туча лежит, хмурится, молнии внутри себя перебирает, поблёскивает ими, народ грозой пугая.

– Верно люди говорят, что на Лысой горе ведьмы хороводы водят. Ишь, какую тучу находила нечисть, – закручинился Еремей.

Присел под берёзкой, задумался. И вперёд идти страшно, и назад ехать боязно. Царь точно головы лишит за слушание. Час сидит, другой, ничего придумать не может. Народ мимо едет, посмеивается:

– Что, Ерёмка, нашёл Край Земли? И каков он? Ровный аль с загогулинками?

– Езжайте, езжайте, – сердито отвечает Ерёма. – Дорофею токмо не сказывайте, что меня видели. Ажно проболтаетесь то и вам, и мне не поздоровиться.

– Ото ж, – понимающе кивали мужики и ехали дальше, уже гонца не задевая.

Сидел, сидел Ерёма, да как рассердится, ударил оземь шапкой:

– Что ж это я, как камень придорожный развалился тут! Что мне тот Край Земли! Ежели его никто до меня не видел, то буду первый. За сие почет и уважение. Может, Дорофей мне шапку боярскую пожалует, а может и того пуще! Отвалит мешок серебра и золота, каменьев драгоценных! Стану я богат! Построю дом, заведу Гипотенузу. Буду целыми днями в стог сена валяться, на небо любоваться. А маманя моя по двору в сафьяновых сапожках и атласном сарафане ходить, да Гипотенузу на лужку пасти. Авось и бычка с коровкой прикупим. Тогда мамане бархатный сарафан сошьем. Чего жадничать? Ежели уж богат, то и жить надо на широкую ногу! Ежели не найду я тот Край Земли, то и к Дорофею нужды нет возвращаться. Подумают, сгинул-пропал гонец Еремей в дальних краях. Погорюют и забудут. Может статься, кроме мамани никто и не помянет меня.

Так Ерёме себя жалко стало, что заплакал.

– Ежели б я знал, что ты такой, Ерёмка, страшливый то ни в жизнь с тобой не пошёл бы!

– Кто это говорит? – удивился гонец, слёзы враз высохли.

Огляделся, а вокруг никого.

– Да я это. Фадиез! Тьфу ты, на такое имечко! Угораздило же царя-батюшку музыкой увлечься. Хорошо, хоть бемолю не назвал, а то с него случилось бы!

Ерёма от удивления только глазами хлопал. Фадиез продолжал:

– Ты, Ерёма, меня больше так не называй. Зови меня просто Дормидонт Любомирович.

Ерёма помолчал, помолчал, да как рассердится:

– Говори, да не заговаривайся! Дормидонт он! Язык с таким имечком ломаешь! Не буду я тебя так звать!

– На Фадиеза я откликаться не буду, – нахмурился пёс.

– Шариком будешь, – сердито буркнул Ерёма.

– Ага, ты меня ещё Параллелепипедом назови! Совсем эта наука вас с Дорофеем ума лишила.

– Шариками всех собак называют.

– Взять тебя, к примеру, Ерёмка, сам рыжий и нос у тебя в конопушках, а поди никто тебя не называет медным чугуном, – проворчал пёс.

– Степаном буду кликать, – ответил Ерёма.

– Тогда уж Степаном Ивановичем, – лукаво взглянул на хозяина Фадиез.

– Не заслужил пока Ивановичем быть! Молодой больно!

– Да и ладно! – обрадовался пёс. – Всяко лучше, а то надо мной даже Гипотенуза насмешничала.

– Чего ты вдруг заговорил человеческим голосом, а раньше молчал? – недоверчиво глядя на пса, спросил гонец.

– Ага, заговори во дворце. Дорофей мне житья бы не дал. Нагнал бы докторов, знахарей, да колдунов. Все потроха наружу вытряхнули бы и прощупали, отчего мы такие умные. А мы с Гипотенузой уже давно и по-аглицки, и по-французски, да кое-чего по-латыни освоили, – с гордостью сказал Степан. – Право дело, свезло тебе, Ерёма, со мной, ох, свезло! И умен я, и смекалист, и ловок...

– И блохаст ты безмерно, – обиженно буркнул Ерёма. – Разважничался, понимаешь, по-французски они с козой мерсикают.

– Да блох-то у меня всего парочка. Для компании, чтобы было с кем за жизнь потолковать.

– Я и гляжу, что ласы точить ты горазд. А Дорофей отправил меня для дела наиважнейшей важности. Время токмо теряю с тобой! – пробурчал гонец. – Смеркается, да и моросит начинается, пора в путь-дорогу отправляться.

– В какую же сторону пойдём? – деловито спросил пёс, почесывая за ухом.

– Вот, Стёпа, – назидательно произнёс Ерёма и даже пальцем перед собачьим носом помаhal для внушительности. – Не латынь и не аглицкий языки тебе не помогают. Главное в нашем деле – смекалка. Мы что с тобой ищем? Край Земли. А где же он лежит? Там где солнце закатывается. Раз оно за лес закатывается, туда нам и дорога. Ежели что, там и заночуем, – ответил Ерёма и, подхватив свою котомку, решительно пошёл в перёд.

– Ох, хозяин, пустое дело ты задумал, – вздохнул Степан, семена за хозяином. – Лес-то непростой, а зачарованный.

– Ты уж, Стёпушка, лучше лапами быстрее шевели, а не бабкины сказки пересказывай.

– Не слыхал что ль? Феофан-охотник наказывал мужикам, чтобы и не думали в лес соваться. Нечисть там куролесит, с пути-дорожки сбивает, на человека беду насылает.

– Это в голове твоей лопоухой беда куролесит. Нашёл, кого слушать – охотника! Да в прошлом годе он рассказывал, что подстрелил горлицу. Она оземь ударилась, в медведя превратилась. Токмо он того медведя на рогатину посадить хотел, как в жабу косолапый оборотился прямехонько в речку поскакал. Там, мол, он жабу эту бородавчатую уж шапкой накрыл, как она извернулась, в речку сиганула. В речке в русалку преобразилась и чуть на дно его не утащила. Вернулся Феофан ко двору дорофеевому мокрый грязный и без добычи. Царь за такое вранье Феофана на кол хотел посадил, шибко осерчали Его Величество. Но видать охотник наш везунчик. Тока царь наш батюшка возжелал дать приказание кол для Феофана тесать, как поднесли ему гуся запеченного, расстегайчики, да кисель клюквенный, и не до Феофана царю стало. Опосля трапезы почивать они отправились. Засим науками своими занялись. Вот потому Феофан на колу до сих пор не сидит, а байки свои рассказывает.

– Так почто ему такие небылицы сочинять?

– Эх ты, мерсикалка французская, простых вещей не понимаешь! Феофан, небось, нарочно байки рассказывает, чтобы в лес никто не хаживал, птицу и зверя ему не спугивал. А ты уж и поверил, – и Ерёма зашагал ещё быстрее.

Степану ничего не оставалось, как присоединиться к хозяину.

Глава IV

Тучи тяжело ползли по чернеющему небу, накрывая собою Зачарованный лес и дорогу, по которой брели путники. Лес мрачно темнел, всё более походя на громадное чудовище, заглатывающее уходящее в ночь солнце. Усиливающийся ветер наполнял воздух вязкой сыростью. Ерёма обеспокоенно поглядывал по сторонам. Вековые дубы натужно скрипели, сопротивляясь непогоде. Дорожная пыль крутилась, поднимаясь всё выше и выше, запорашивая глаза путникам.

– Угораздило же Дорофея Край Земли искать! – ворчал Ерёма. – Тут и ноги стопчешь, и промокнешь, а то ещё и лихоманка скрутит.

– Почто ж ты гонцом при дворе служишь, ежели не вмоготу? – отфыркиваясь от пыли, спросил Степан.

– Да разве я малахольный какой, чтоб на печи запросто так сидеть? – осерчал Ерёмка. – Очень даже вмоготу мне служба государева. Особливо, когда Дорофеем за добрую весть мешок отрубей пожалует или даже кафтан со своего плеча. Пусть и с заплатами, но зато царский! Однако ж не люблю я, понимаешь, когда склизко, да лапти промокают. Глянь-ка, что у нас над головой делается. Успеть бы добежать.

Степан задрал голову. В тоже мгновение тучи болезненно вздрогнули. Молния огненным ножом разрежала небо. От яркой вспышки, осветившей на версту округу, замерли деревья и кусты. Даже старый дуб, сопротивлявшийся непогоде, не смел шелохнуться, уронив обломанные ветви. В следующий миг грохот грома погрузил во мрак всё живое. Потoki воды обрушились на землю. Ерёма, не разбирая дороги, со всех ног припустил к лесу. Степан едва поспевал за ним. Гонец споткнулся о корень, торчавший из земли, с ноги слетел лапоть, и Ерёмка растянулся в полный рост, пребольно ударившись носом.

– Одни убытки от государевой службы! Где теперича в темноте искать лапоть, а он как никак скороход. Какой же я гонец без скороходов? Насмешка одна! – и он в сердцах пнул дуб. – Чтоб тебя разорвало!

Мрачный купол неба вздрогнул, выбросив из недр своих молнию. Ёе горящее жало впилося в старое дерево, расколов его. Из раскучуроченного ствола вырвался жадный язык пламени, охвативший яростным огнем свою жертву. Кора в мгновение обуглилась. Мощные ветви изогнулись, разбросав снопы искр, которые взметнувшись к грозovому небу, приобрели ядовито-зелёный цвет.

– Свят, свят, свят, – запричитал гонец, дрожа то ли от страха, то ли от холодного злохлеставшего ливня. – С такой службой помрёшь ни за грош, да ещё и босым. Стёпка, ты куда подевался? Бросил, значит, друга-товарища, в смертельной опасности?

– Да тут я, тут, – ответил Степан. – Боязно мне, душа от страха в хвост укатилась, – и Степан продемонстрировал мелко дрожащий хвост.

– Ему боязно, а я сам должен обувку свою искать? Казенное, между прочим, имущество.

– Да вот твой лапоть! – пёс, прихватив зубами лапоть, привязанный за шнурок к ноге гонца, потянул его. – Не убог, хоть и скороход.

– Ох, Стёпушка, я право и не знаю, что делать, – пожаловался Ерёма, надевая обувку. – Ну, его к лешему этот Зачарованный лес. А куда идти?

– Давай, побредем, куда глаза глядят.

– Куда ж они глядят, когда темнотища такая, что хоть глаз выколи? – спросил Ерёма, вглядываясь вдаль.

– Тогда пошли туда, куда не глядят.

Ветер закрутил искры над головами путников, они стали опускаться прямым на Ерёму и Степана, окружая со всех сторон. Ерёмка, перепугался не на шутку и схватил подвернувшуюся под руку обгоревшую корягу.

– Сгинь, нечистая! – крикнул он и швырнул корягу в приближающиеся мерцающие огни.

Те полыхнув так, что путники на мгновение ослепли, превратились в огромных котов. Были они чернее ночи, когти отливали золотом, из глоток несло хриплое мяуканье. Гонец и ойкнуть не успел, как оказался в кошачьих лапах, поднявших его в воздух и понесших в сторону Зачарованного леса. От страха и отчаяния, охватившего Ерёму, он осмелел и плюнул в горящий глаз, тот зашипел и погас. Кот выпустил коготь и порвал Ерёмке рубаху.

– Ёлки-палки! – взбунтовался гонец. – Рубаха почти новая была. Я тебе сейчас хвост оторву, чудище ты одноглазое!

Он изловчился и дернул кота за хвост. Раздалось угрожающее шипение, в мёртвом глазу мелькнул мутный огонь, шерсть вздыбилась, переливаясь ядовитой зеленью. Кот на лету встряхнулся. Зелень брызгами слетела на землю, оставив выжженный след. Ерёма присмирел. Пёс пару раз попытался цапнуть котов, но без толку – только морду опалил, такой жар несся от нечисти. Коты оказались проворнее и, увернувшись от пёсских зубов, подцепив на коготь Степана за хвост, взмыли вверх и полетели вместе с ним к лесу.

– Хозяин, что же это делается? – возопил пёс. – Палёные кошки нас, как мышат переловили! Где это видано такое? А ну, брысь! – рыкнул он оскалившись.

– Сдается мне, Стёпушка, что коты-то непростые.оборотни, а не коты.

– Да ничего в них такого нет. Здоровенные токмо. И морды наипротивнейшие. Дикие, видать. Наш царский кот Плюмбум, уж до чего я его не люблю, так и то, супротив этих души ангельской. Только Плюмбум крыс ловит, а эти, вишь, человеков, да и меня без всякого уважения за хвост таскают. Ещё и летают, – возмутился Степан, крутясь на подвешенном хвосте.

– Эка невидаль, летают. Дорофей говорил, что мыши и рыбы летучие есть. Так чего ж котам-то не летать?

– Вот только мы им зачем? Небось мы благородством от рыб и мышей отличаемся, – сердито твякнул Степан. – Куда эти тумачи нас несут?

– Кажись, в Зачарованный лес. Видать верно Феофан-охотник про этот лес сказывал, – Ерёма неожиданно захихикал.

– Хозяин, ты чего это? – встревожился пёс.

– Щекотно, сил нет, – и Ерёма, извернувшись, с силой выдернул из кошачьей морды досаждающий ему ус.

Коты разом издали душераздирающий вопль, острые когти разжались, и нечисть, превратившись в мерцающие искры, растаяла в воздухе. В то же мгновение прекратился ливень. На чёрный бархат неба выкатился ясный месяц и вместе с игриво подмигивающими звёздами, принялся освещать землю. Степан и Ерёма пребольно шлепнувшись с высоты, долго трясли головами, приходя в себя. Ерёма, потирая бока и кряхтя, с удивлением посмотрел на свою руку, в ней был зажат кошачий ус, светившийся в темноте.

– Стёпа, а Стёпа, посмотри, что делается!

– А что такого? Мужик ты у нас хозяйственный, и котомку не потерял, и лапти на месте, и ус вражий трофеем взял.

– Так светится он! А не обжигается.

– Эка невидаль. Гнилушки тоже светятся. Да и коты, какие были? Видимость одна.

– Хороша видимость, все бока помяла, морду тебе опалила.

– Морда моя при мне, а где коты те? Фыр и нетути! – весело подмигнул Степан.

– Твоя правда, – ответил Ерёма и аккуратно завернув ус в тряпочку спрятал его за пазуху. – Ох, что-то замаялся я, Стёпушка, руки-ноги дрожмя дрожат, – пожаловался гонец.

– У меня ещё и хвост болит, того и гляди, отвалится.

Ерёма подергал пса за хвост:

– Не, не отвалится, крепко сидит.

– Вот, все-таки я весь замечательный, а хвост вообще многим на зависть! Даже эти обороты не смогли его оторвать, – погордился пёс.

– Эх, ты голова лопухая! Не обороты они, а оборотни.

– Оно без разницы. Спать мне хочется изо всех моих собачьих сил, – зевнул Степан и побрел в поисках подходящего места для ночлега.

Ерёма посмотрел вслед псу. Тот брел пошатываясь, опустив голову. Наконец ему приглянулось местечко под кустиком. Устроившись поудобнее, пёс мирно заснул, сладко посапывая. Подул легкий ветерок. Ветви куста зашевелились черными змеями, опутывая крепко спящего Степана и втягивая его в темноту ночи.

– Да что ж за напасть такая! – закричал Ерёма. – Стёпа, просыпайся! – гонец кинулся спасать верного друга.

Как только он приблизился, деревья протянули свои искореженные ветви, вцепились в Ерёму и забросили в Зачарованный лес.

Гонец оказался стоящим на тропинке. Рядом сидел пёс, зевающий спросонья. Ерёма ошалело озирался. Тропинка была ровнёхонька, словно скатёрка постеленная. Вдоль неё росли мухоморы. Были они огромны, доходя Ерёме до колен. Белые пятнышки на шляпке грибов светились в темноте. Трава слегка колыхалась на ветру, а травинки, ударяясь одна о другую, тихо звенели колокольчиками. Деревья и кусты, освещённые лунным светом, казались серебряными. На их ветках пристроились ночные звезды. Макушку ели украшал золотой месяц. Ухал филин, мигая жёлтыми глазами из дупла.

– Кажись, мы в Зачарованном лесу, – пробормотал Ерёма.

Степан обнюхал тропинку, деревья:

– Ага, тут и пахнет не так.

– Как не так?

– Чем-то невзапрадашным, – и пёс без всякого уважения поднял лапу прямо на ближайший мухомор.

Гриб возмущенно чихнул и превратился во вздорливого старика-лесовика. На голове треух надет задом наперед, рубаха красная в белый горох, зеленые штаны из мха. Сам космат, не чесан, из лохматых ушей дым валит. В руке сучковатый посох, которым он сердито стучал по земле:

– Ах вы, беспутники! Их как дорогих гостей встречают, а они безобразия безобразничают! Осерчаю сейчас ещё чуток и достанется вам! Запутаю, закручу, заверчу, сгинете в болоте, али в чаще лесной! И не стойте на моей тропинке!

Леший выдернул из-под ног Ерёмы и Степана тропинку, свернул её и, сунув подмышку, обиженно ковыляя, скрылся в чащобе леса. Мухоморы тут же погасли, в траве замер нежный перезвон, с деревьев исчезли звездочки. Месяц, свалившись с верхушки ели и ударившись о мохнатую ветвь, взлетел в небо, перевернувшись вниз рожками. Только филин все так же уныло ухал в своем дупле.

– Какой-то шальной старикашка. Чего это он вздурился? Я же не знал, что он не мухомор, – виновато пролепетал пёс.

– Кажись, Степа, набедокурили мы с тобой.

– Чего набедокурили? Всю ночь нас, то коты таскают туда-сюда, то вообще не понять что! Так мы же ещё и провинились!

– Ох, Стёпушка, обидели мы Лешего – хозяина леса. Не видать нам теперича пути верного. Закрутит, заюлит и не выйдем мы из леса, – вздохнул Ерёма. – Да и тропинку он унес. Куда теперь идти?

– Удивляюсь я на тебя, Ерёмка! Тропинку у него слимонили. Не велика беда. Скажи, почто нам кошачий ус светящийся? Доставай, поглядим, куда он нам путь укажет.

– Поди ж ты, какой пёс у меня смышленьш! Я и запомнил, – обрадовался Ерёма и спешно достал из-за пазухи ус, завернутый в тряпочку.

Кошачий ус озарил все кругом мертвенным светом. От него пожухла трава, с ближайших кустов слетели листья, филин ухнул ещё раз три и свалился замертво. Гонец перепугался не на шутку:

– Сдается мне, Стёпушка, что дело с этим усом нечистое. Кабы беды не вышло.

– Хоть я и дюже смекалист, – оторопело пробормотал пёс, – но похоже, что погорячился.

Видать с устатку.

– Прячьте, прячьте его, негодники, вы такие! – раздался шепот сварливого старика-лесовика. – Размахались тут, весь лес мне погубите.

Ерёма от неожиданности вздрогнул и замахнулся, чтобы выбросить ус, как тут же перед ним предстал Леший. Теперь рубаха на нем была зеленая в красный горох, треух он сменил на картуз, который все равно был надет задом наперед, да и сапоги перепутаны: правый на левой ноге, а левый на правой.

– Не смей мне здесь его бросать, безголовый человек! Не видишь что ли, что сим пагубным усом ты мне лес изводишь? Скверная сила в нем сокрыта.

– Делать-то что? – растерялся Ерёма.

– Прячь, где прятал, непутевый! – пуще прежнего сердился Леший, да так, что дым из мохнатых ушей повалил клубами.

– Браниться-то зачем? Теперича сам вижу, на недоброе дело ус настроен, – покорно согласился Ерёма и, завернув ус в тряпочку, спрятал его в котомку.

– Спрятал? – сердито спросил Леший. – Вот и идите, откуда пришли.

– Да куда же идти? – осерчал пёс. – Ты, спору нет, хозяин леса, но тропинку-то слимонил! Как нам ночью по буеракам идти? Того и гляди в болото угодим, или ноги переломаем, а то и к медведю в берлогу свалимся!

Леший неожиданно присмирел и загрустил. Присел на пенек, из глаз его покатались горячие слезы. Где они падали на землю, вырастала жгучая крапива. Через некоторое время плачущий Леший уже сидел в зарослях, окружавших его плотным кольцом.

– Не, ну вы видели такое? Хозяин леса, а нюни распустил! – фыркнул пёс, перепрыгивая с места на место, чтобы не обжечь лапы.

Леший насупился.

– Никакие нюни я не распускал. Так присел на пенек отдохнуть. Намаялся за день.

– Видать, беда у тебя большая, – сочувственно произнес Ерёма.

У Лешего вновь навернулись слезы.

– Хватит носом хлюпать, тут крапивыросло, не пройти, не проехать, – проворчал Стёпка.

Не успел Леший ответить, как по лесу прокатился злобный хохот. Он эхом отразился от каждой веточки, от каждой травинки многократно усиливаясь и делаясь от этого ещё более жутким. Он звенел в верхушках деревьев, дрожал в камнях, гудел в стволах деревьев. Он сам превращался, и всё вокруг себя превращал во мрак. Непроглядная тьма пожирала любое маломальски светлое место в лесу. Деревья оборотившись в черные чудовища, всасывали в себя свет, умирающий в них. Чернота поглотила небо, низвергнув на землю злые струи ливня. От них шёл холод и могильный запах гнили. Мороз пробежал по спине Ерёмы. Степан прежде оскалится, шерсть на загривке вздыбилась, но не стерпев такого страха, взвизгнул и поджав хвост, прибился к ногам хозяина. Трясущимися руками Леший достал из кармана штанов тропинку, развернул её и бросил на землю. После схватил остолбеневших Ерёма и Степана и потащил за собой. «Прытче, прытче!», – приговаривал Леший, подгоняя гонца и пса. Над их

головами Бежали они, что изо всех сил, а над ними гремел грозовой рокот. Ерёма легко бежал, лапти-скороходы помогали, а вот Степан отставал, хоть и четыре лапы у него было. Мрак клубясь, наступал на убежавших. Холодная его рука почти коснулась пса, ещё мгновение и сгинул бы Степан. Но Леший подхватил его, и миг они исчезли, будто их и не было. Ерёма огляделся и жалобно прошептал:

– Эй, вы где? Теперича мне одному – одинешеньку пропадать?

– Не гомони, – раздался шепот старика-лесовика. – Иди сюда, только тишком.

Ерёма шагнул на голос и провалился в землянку.

– Ступенек не видишь? – заворчал Леший, затаскивая внутрь тропинку.

Он плотно закрыл вход огромным камнем, да ещё и запер дубовую дверь на засов для верности. Снаружи бесновалась буря, ей вторил жуткий хохот. Ураган был столь силен, что дверь выгибалась. Ерёма с беспокойством поглядывал на вход. Леший, не обращая внимания на оглушительный рев, раздающийся снаружи, заботливо стал сворачивать лесную дорожку, рассматривая её и горяя.

– Ну, вы видели такое? Ещё одну тропинку мне эти пакостники испортили! – он показал тропинку, которая выглядела, как рваная тряпка. – Здесь всегда улиточка Соня сидела. Маленькая с чудесными нежными рожками. Где теперь Соня? Тут лютик рос. Рос себе и радовался теплему дню. На этом месте лужица была с чистой водичкой, от неё всегда солнечный лучик отражался. Случалось, радуга над лужицей сверкала. А теперь? Придется заплатки ставить, корнями деревьев дырки прикрывать, – вздыхал он. – Ямы и ухабы на моей тропинке будут.

Пока Леший причитал над истерзанной тропинкой, Ерёма огляделся. На полу уютной землянки постелена трава, издававшая мягкий терпкий запах. В центре возвышался круглый деревянный стол, на нем пузатился самовар, в блестящих боках которого, отражалось веселое пламя свечи. Прямо из земли торчали пеньки, стоявшие вместо стульев вокруг стола. В углу кровать, сбитая из неотесанных бревен. С виду она была неказиста, по коре ползали жучки – паучки, из бревен росли веточки с зелеными листочками, над которыми порхали живыми цветами бабочки. Голубые, как небеса, оранжевые, как подсолнухи, пёстрые и розовые, зеленые и малиновые они кружили в танце. Леший, свернув тропинку, спрятал её под кровать. Ерёма заметил, что там были ещё лесные дорожки.

– Дедушка Леший, спасибо тебе. Из беды нас вызволил. Ежели мы тебя обидели, то не со зла.

– У нас, леших, имена тоже есть. Прокопыч я. Да и не винись, Ерёмейка, – Леший наклонился к уху Ерёмы и зашептал. – Объявился в наших краях Князь Мрака и Тлена. Худыми делами занимается. Живет он в самой, что ни на есть чашобе, куда луч солнца и не проникает. Хоуда туда нет ни пешему, ни конному. Мало того, кто осмелится дойти, то и сам во мрак превращается. Паче того, становится он прислужником Князя.

– Как это во мрак превращается?

– Ты настоящую самую темную темноту видел? – спросил Леший.

– В дворцовом погребе темнотища, ничего не видно! Не всяк из дворового люда спустится, боязно.

– Вот и тут так, только жутче. Становится живность, али человек таковской темнотой, но живой темнотой, беспощадной и губельной. Свирепствует, изводит все на своем пути.

– А палёные кошки с золотыми когтями, тоже прислужники Князя Мрака? – спросил Степан.

Прокопыч вздохнул, и от переживаний его мохнатые уши вновь задымили.

– Те коты – не коты. Возникают они из неоткуда. Могут предстать чудищами ужасными о шести головах, о тринадцати руках. Хватают эти руки зазевавшихся горемык и рвут на части. Мутными тенями являются. Бродят те тени по ночам. Как припадут к чему живому, то душу и

выпивают. Могут и расщелиной бездонной в земле стать. Ежели кто супит рядом, вмиг пропадает в глубине тёмной. Смердящими псами с человеческими лицами могут показаться. Загрызают всякого и кости обглаживают. То вдруг из земли поднимаются исполинскими волками, а из страшных пастей их капает горячая черная кровь. Могут явиться котами с золотыми когтями. Это челядь Князя Мрака. Невинные души они выискивают и тащат прямо в логово Князя.

Еремей негодуяюще воскликнул:

– Бесчинство какое! Невинные души! В логово!

– М-да, дедуля Прокопыч, нехорошие дела приключаются, – задумался Степан. – Получается, мы не сможем через Зачарованный лес пройти?

– О-хо-хо, боюсь, не сможете. Я уж и сам не знаю, что делать. Что мог к себе спрятал. Но не утаить весь лес в землянке моей. Хорошо, что хоть бабочек смог сберечь.

– Благолепие от сих небесных созданий исходит, – улыбнулся Еремей.

– Сие не просто бабочки, а души неродившихся ребятишек. Ишь, как порхают и не знают, какая беда их ждет, – вздохнул тяжело Прокопыч, его уши ещё более задымили. – У Марфутки – поварики скоро дитя должно родиться, и пока он не родился, его живая душа здесь летает. А Князь Мрака и Тлена он, ведь, что? Сгубит на раз – и всё! И не станет в царстве-государстве Дорофея народу. Да и царства самого не будет, все живое в прах превратится, черная нежить будет владычествовать.

Еремей встревожился:

– Может статься, вернусь я с Края Земли, а нет ни Марфутки, ни конюха нашего, ни Феофана-охотника, ни Дорофея, ни маменьки моей?

– Ты того, Леший – Прокопыч, не очень-то ушами переживай. Ишь, туману напустил, дышать уж нечем. Ребятишкам, небось, не в пользу дым-то твой, – проворчал Степан. – Запримечтали в два голоса. Мне, может, тоже всех жалко.

Леший виновато помахал руками вокруг своей головы, стараясь разогнать дым.

– Никак не возьму в толк, отчего эти коты-обормоты нас не слопали со Степаном, – задумался гонец, – а я и ус ещё выдернул.

– Карамболь получился, – согласился пёс.

– Это ты по-каковски говоришь? – с подозрением прищурился Леший.

– Это он при Дорофеё нахватался словесов всяческих, не обращай внимания, – ответил Ерёма. – Прокопыч, не сидеть же нами ждать, когда Князь всех изведет? Делать-то что?

– Есть одна мыслишка, – сообщил Леший, – но утро вечера мудренее. Вот утром и обсудим.

Глава V

Выглянувшее из-за горизонта солнце сияющими лучами разогнало грозовые тучи и окрасило золотом голубой купол небес. На изумрудной траве бриллиантовыми капельками искрилась роса. Из землянки вылез Ерёма, следом за ним пёс. Выпорхнувшие бабочки, беспечно закружили по лесной полянке. На раскидистой берёзе деловито работал дятел, оглашая окрестности весёлым постукиванием. Солнечные лучи коснулись нечёсанных кудрей Еремея. Они вспыхнули рыжим огнем, будто ещё одно маленькое солнце взошло над полянкой. Веснушки на носу засверкали россыпью искр.

– Ты погляди, Стёпа! Красота какая! Воздух хрустальный! – Ерёма вздохнул полной грудью. – Кабы не поручение Дорофея, остался бы здесь.

Гонец растянулся на травке, мечтательно глядя в небо. Невесомые облака нежились в ласковых золотых лучах. Подними, радуясь новому дню, стремительно носились стрижи. Степан озабочено обежал вокруг землянки, заглядывая под каждый камешек и куст.

– Ни чудовищ о тринадцати руках, ни котов, ни другой тухлой нечисти нет, – жизнерадостно сообщил он. – Денёк распрекрасный! Эх, поймать бы сейчас сороку, да за хвост потрепать её! Или белку испугать. Они так смешно пугаются.

В приливе чувств Степан гавкнул два раза на ползущую по листику божью коровку. Сухое дерево, стоявшее рядом с землянкой, покачнулось, выдернуло корни из земли, чихнуло и закричало:

– Вам бы только на травке барствовать, да пугать мелкоту мою лесную, – дерево ещё раз чихнуло и превратилось в Лешего. – Ох, вы и никчемушники! Спасай вас ночью от черной пагубы, до утра стой в дозоре, а вам бы только барствовать.

Степа, наклонив голову, с интересом посмотрел на Прокопыча:

– Чего ты чихаешь все время?

– Думаешь валенками в сырой земле пушашное дело стоять? – Леший показал промокшие валенки. – Тут уж всякий расхворается, особо опосля дождя.

Ерёма по-хозяйски оглядел валенки:

– Вестимо, что расхвораешься. Ночью я помню, сапоги на тебе были. Куда подевал их-то? Потерял что ли?

– Дык, – Леший смутился, – пятки у меня в сапогах этих преют. И дух от сего стоит дюже крепкий. Вот и боюсь, что Князь Мрака или прислужники его унюхают мою землянку, а там и до беды не далеко. Не запамятовали, что Князь Мрака и Тлена свирепствует в наших краях?

– Стало быть, пора за дело приниматься, – сказал гонец, поднимаясь и расправляя плечи. – Покажем нашу силу богатырскую Князю облыжному!

– Ишь ты какой, Ерёма, забиячливый стал при белом свете! А кто вчера от страха вопил дурным голосом? – усмехнулся Прокопыч.

– Так с непривычки оробел маленько, – смешался гонец. – Теперь-то пообвыкся. Пошли лиходея с его шайкой ловить, землю нашу спасти от черной напасти. Но ежели вы мне не товарищи в ратном деле, то я и сам пойду!

Ерёма расправил плечи, выкатил грудь колесом и решительно пошёл в лес.

– Погодь, торопыга! Тут дело сурьезное, с кондачка не решается. Обмозговать по первости надобно, после геройствовать, – постановил его Прокопыч.

Гонец задумчиво почесал затылок и вернулся. Леший же присел на травку и снял валенки:

– Ить, как ноженьки мои промокли, кабы не занедужить. Иначе какой из меня вояка, ежели чих одолеет?

– Фантаσμαгория тока из тебя получится, – многозначительно произнес пёс.

– Смотрю на тебя, Степа, и удивление меня берет. Как такие заковыристые слова у тебя промеж ушей помещаются? – Леший с интересом глянул на пса из-под мохнатых бровей.

– Иной раз я и сам, Прокопыч, задумаюсь: до чего же я все-таки сметливый! – заважничал пёс.

Прокопыч усмехнулся:

– Силен, однако, бахвалиться! Но будет пустыми разговорами забавляться. Баталия нам предстоит великая. В сей баталии судьба земли нашей русской решиться. Я тут пораскинул умом и вот что умыслил. Бойтся Князь Мрака света солнечного, потому вас его коты и не тронули. Ибо оба вы рыжие, как солнышко наше. Стало быть, солнышко наше ясное дало силу свою вам. Ночью ещё меня мысли посетили. Догадываетесь какие?

– Потеха с тобой, Прокопыч, как мы можем знать, что ты ночью уразумел, ежели мы с устатку такого Храповицкого дали, что от Ерёмки самовар твой запотел.

– От Степки три жухелицы оглохли, – наябедничал Ерёма.

– Сейчас вас крапивой отбузиную! – рассердился Леший. – Кабы бы не беда, что пришла в мой лес, верно, завел бы в болото. Там бы жаб да пиявок стращали своим Храповицким. Битва беспощадная ждет нас, а вы пустословите!

Гонец и пёс застыдились.

– Не бранись, дедушка Прокопыч, мы живота своего не пожалеем, чтобы спасти красоту лесную!

– Зазря не болтайте.

На полянку влетела стая сорок. Окружив Лешего, они взволнованно затрещали. Степан от их оглушительного гомона, аж морду под лапы спрятал. Прокопыч понурился, задымив ушами. Затем на сорочьем языке ответил птицам и те, зататорив ещё громче, улетели. Слезы заблестели в глазах Лешего.

– Принесла сорока на хвосте лихо.

– Ну-ка брось, дедуля, разводить мокротень! – обеспокоенно глядя на Прокопыча, сказал Ерёма.

Леший конфузливо крякнул, смахнув слезу:

– Старый я стал, хлипкий совсем от плохих новостей раскисаю. С русалками беда приключилась. Водяной просил наведаться, может подмогу какую окажем. Собирайтесь, пойдём к озеру, по дороге я вам и расскажу, что заметил и какое соображение имею.

Леший легко поднялся с земли и исчез, будто его никогда тут и не было. Токмо промокшие валенки сиротливо остались стоять на поляне. Ерёма руками всплеснул:

– Ишь, как наш старичок-бодрячок сиганул, а куда нам-то идти? Ни пути, ни дороги во всем лесу. Может ты, Степа, по запаху выведешь нас к озеру?

Пёс ткнулся носом в валенки лешего:

– Опятами пахнет, травой прелой, да ещё голубикой.

– Ты лучше старайся!

Степан принялся, даже глаза от усердия сощурил и через некоторое время произнёс:

– Клюквой, рябиной, брусникой, немножко черёмухой. Ещё мхом, ёлками и ёжиками. Не, след Прокопыча мне не взять. Тут лесным духом пахнет. А дух сей повсюду.

– Вот уж напасть! Этак мы плутать будем невесть сколько, – задумался Ерёма. – Но! Ежели по земле нельзя найти Прокопыча, то по воздуху мы его враз отыщем.

Гонец, недолго думая, полез на берёзу.

– Озеро видишь? – крикнул снизу Степа.

– Заберусь повыше и посмотрю, – отозвался гонец, карабкаясь на самую высокую ветвь.

Ветка под ерёминой тяжестью стала угрожающе качаться. Чем больше Ерёма подпрыгивал, тем сильнее она раскачивалась.

– Ой, Стёпушка, кабы не свалиться мне отсель. Шлёпнусь насыру землю, и не станет Ерёмы, гонца царского. Разнесут мои белы косточки чёрны вороны по всему белу свету, – запричитал Ерёма.

В этот момент ветвь выпрямилась и подкинула гонца в небеса, только лапти мелькнули среди облаков.

– Во, как кувыркнулся! – восхитился пёс, с завистью следя за полетом гонца.

Когда тот скрылся за облаками, Степа воскликнул:

– Все сбежали, меня бросили! – и от огорчения тьякнув, заметался по полянке. Рядом с псом свалился лапоть. Степа припал к нему и жалобно заскулил:

– Где ты сгинул – пропал, друг мой верный Ерёмушка? Один токмо лапоточек и остался...

Обнюхав со всех сторон лапоть, задумчиво поглядел в небо:

– Ерёмки не видать, а лапоть-то скороход туточки. Ежели я его надену, то буду псом-скороходом! Тогда заместо Ерёмы героизмом прославлюсь. Он пусть в вышине парит, аки птица небесная.

Недолго думая, Степан всеми четырьмя лапами влез в обувку.

– Хм, как же мне в нем бежать? А шнурки куда деть? – и он дернул шнурок.

Лапоть оторвался от земли и понесся между деревьев.

– Эх, залетные! Эге-гей! – ликующе завопил Степан.

Лапти-скороходы несли его меж деревьев. То они взмывали вверх, то резко опускались до земли, пугая мелких зверюшек. Ветер бил по глазам пса, мешая различать дорогу, шерсть раскосматилась. Березы и рябины будто дразнились, цепляли Стёпку ветками. Шкодливые белки бежали следом и хихикали, задирая пса. Он не выдержал и, выпустив шнурок из пасти, тьякнул:

– Вот поймаю вас, озорницы, хвосты-то ваши распушу!

Лапоть, потеряв управление, врезался в ёлку. Стёпка свалился на землю, раздался треск, и он провалился неведь куда. В нос ударил удушливый запах мокрой шерсти и прелой земли. Раздалось недовольное ворчание. Увесистая лапа отвесила тумак Степке. Пёс, перекувыркнувшись, упал на спину, но быстро вскочил на ноги и звонко залаял, стараясь напугать недоброжелателя.

– Цыц, пустобрёх! – забранился незнакомец. – Расшумелся, аки кикимора болотная!

– Да кто ты таков, чтобы браниться? – пришёл в негодование Стёпка, затем потянул носом. – Хотя погоду, медведем пахнет. Уж часом не косолапый ли ты?

– Признал, – довольный медведь почесал бок о корень, торчащий в углу берлоги. – Я барин лесной.

– Вот те на! Барин! – с насмешкой отозвался пёс. – Отчего это ты, барин, по тёмным углам в белый день прячешься?

– Так страшно. В лесу смурные дела творятся.

– Уж не о Князе Тьмы и Тлена говоришь?

– Цыц! – испугался медведь. – Шумишь много.

– Да видали мы его! Тьма тьмой и ничего более, – раздухарился Степан.

– Эта темнотища мне лапу отхватила, – проворчал медведь. – Будто ножом – чик и нету. Стёпка с недоверием посмотрел на косолапого:

– Как так?

– Засиделся я в малиннике до вечера, – голос у медведя задрожал. – Глухой мрак вполз в лес, как сетью опутал. Стелется по лесу, стелется. Враз хохот раздался недобрый. Страшно мне стало, до того страшно, что душа моя вздрогнула и затрепетала. Трепещет так, что чуть болезнь медвежья со мной не приключилась. Но сдюжил. А хохот напирает, давит. Мрак наплывает тучей зловещей. Чую, то погибель моя скалит зубы, кровь мою горячую леденит. А я, аки

камень, шевельнуться не могу. Темень ближе и ближе подползает. Ещё чуть-чуть и сожрет меня, хохотом раздавит.

– Ты этого того, медведище, брось слова напутывать. Скажи по-простому, пострадалец ты от мрака али нет? – в нетерпении прервал медвежье повествование пёс.

Мишка, будто и не слыша Стёпку, продолжил:

– Прокопыч, хозяин наш лесной, век ему буду благодарен, откуда ни возьмись, явился, пришёл на подмогу. Вынес меня из лютой темени, аки чудо-богатырь. Токмо лапу заднюю мрак зацепил. Так на трех ногах с нашим лесным хозяином я и доковылял в его гостеприимное пристанище. Там уж Прокопыч новую деревянную ногу смастерил мне. Теперича я медведь – липовая нога. При ходьбе, знамо дело, поскрипывает, зато блохи в ней не заводятся. Так что жить можно.

– Досталось тебе Князя Мрака, – пожалел медведя Степан.

– Тише, тише! Не накличь беду! Не произноси его имя!

– Чего это? Труса что ль празднуешь?

– Труса – не труса, но я из берлоги не выйду, пока в лес покой не вернется.

– Вот что, барин ты липовый, – нахмурился Стёпа. – Вестимо, можешь в берлоге своей колотиться страхом и ногой скрипеть. Но пока Князя Мрака мы из леса не выгоним, не видать покоя никому. Ладно, косолапый, ты блох корми, а я пойду подвиг совершать! Заждались меня героические дела, пока я с тобой тут тары-бары развожу.

Пёс полез наружу из берлоги.

– Погодь, погодь! Ишь, торопыга какой! Чего мне блох кормить, да от света дневного прятаться? Согласен, попраздновал я труса, но я всё же барин лесной! Как вы без меня обойдетесь? Да и Прокопычу подмогу надо оказать!

И мишка потрусил следом за Стёпкой.

Глава VI

Ерёма стремительно взмыл вверх. Ветер лохматил рыжие кудри. Рубаха надулась парусом, отчего гонца перевернуло несколько, и он влетел в облако, зависнув вниз головой.

– Куда нелегкая меня занесла? – пролепетал он, боязливо оглядываясь. – Батюшки-светы, всё перекувыркой: земляверху, небеса внизу. Напутал Леший свои чародейства по старости-лет, да и опрокинул Зачарованный лес. А я вбрякнулся, аки муха в мёд.

Он отчаянно принялся вырываться, пытаясь освободиться. Нога выскочила из плена, с неё слетел лапоть и, подхваченный озороватым ветерком, полетел на землю. Гонец, болтаясь на одной ноге, проводил его тоскливым взглядом:

– В этом лапте мог я быть...

В животе у Ерёмы уныло забурчало. Он ударил себя по пузу:

– У, утроба предательская, в конфуз меня вводишь! Хотя оно, верно, трепыхаться туточки, словно портянки на веревке, токмо уважение к самому себе терять.

Извернувшись, гонец схватился обеими руками за облако и выбрался наверх. Влезть-то он влез, но удержаться на ногах было невозможно. Облако беспрестанно клубилось. Ерёмка плюхнулся на живот так, и белые пушинки облепив его с ног до головы. Отфыркавшись и отмахавшись, гонец встал на четвереньки. То тут, то там неторопливо поднимались вверх потоки воздушной пены, принимая причудливые формы. После они ниспадали вниз и вновь начинали свое величавое течение. Солнечные лучи сотнями пылающих нитей пронзали облако, окрашивая его в дивные цвета.

– Одначе здесь так славно, ажно душа поет! Эх, жаль, балалайки нет!

Ерёма попытался встать, но облако под ногами пружинило, и он вновь шлепнулся.

– Э не, надоть сначала оглядеться. Поди, Дорофей меня Край Земли послал искать, а не шмякаться с небесов.

Разлегшись словно на перине, осмотрелся. Лес походил на весеннюю лужайку. Среди буйства зелени расстился белоснежный ромашковый ковер. Солнечные зайчики озорничали на глади озера. От их мельтешения вода сверкала драгоценным камнем. Чуть дальше лес рассекали выжженные просеки, ведущие к затхлому болоту. Над зарослями папоротника, окружавшего трясину, дрожало тягучее серое марево, вызывавшее тревогу. За болотом нехорошо чернел другой лес. Испепелённая до смолы земля, искорёженные огромные деревья, походили на калек, норовящих схватить своими изувеченными конечностями любого. Нечто зловещее воровалось среди этого чудовищного уродства.

– Ох, и гиблое место! – выдохнул гонец не в силах отвести взгляд.

Из самой гущи наволоки медленно поднималась сумрачная фигура. Ерёмке плохо было видно, но он разглядел, как черная фигура поначалу разрослась, а затем содрогнувшись, распалась на множество частей. По мере того, как они поднимались ввысь, неясные очертания все более походили на огромных воронов. Траурное оперение в солнечных лучах отливало серебром, мощные клювы приобрели антрацитный блеск. Покружив над болотом, птицы полетели в сторону гонца. Их тела, словно хлопья сажи, покрыли вид на Зачарованный лес. «Укр-р-рал, укр-р-рал!» – несло из вороньих глоток.

– Ой-ей, что-то конфуз в брюхе сызнава бурчит, – пролопотал Ерёма, вжимаясь в облако.

Стая стремительно приближалась. От их иступленного карканья содрогался воздух.

– Что за чертовщина шебаршится за пазухой? – гонец полез под рубаху и достал завернутый в тряпочку извивающийся кошачий ус.

В руках Ерёмы ус поначалу свернулся в клубок, после с шипением выпрямился, раздулся и превратился в трехголового змея. Чешуйчатые морды пахнули зловонным дыханием. Раздвоенные языки, мелко дрожа, высунулись из пасть и заматались из стороны в сторону, будто что-

то ища. Ерёма глянул и обомлел. На концах змеиных языков уродливыми наростами торчали маленькие гадючьи головы, тарасившиеся на него злобными глазками. Крошечные раздвоенные языки суетливо мельтешили в поисках жертвы, на них также росли чешуйчатые головы.

– Тьфу ты, уродится же такая срамота! – чертыхнулся Ерёма. – Глазом не успеешь моргнуть, схрумкают, и не подавятся матрёшки страхолюдные!

На четвереньках он пополз от греха подальше, но запутался в облаке и, не заметив прореху, провалился в неё по плечи. Снизу на Ерёмку накинута стая воронов. Гонец задержал ногами, пытаясь отбиться, но зловерные птицы были увёртливы. Они нещадно рвали его штаны, клевали за ноги. Ослепший от солнечного света трехголовый змей, бросался из стороны в сторону в поисках жертвы. Одна из голов приблизилась к гонцу и уставилась на него. Ерёма икнул от ужаса. Во взгляде мёртвых глаз черным пламенем билась смерть. Липкие раздвоенные языки уже почти коснулись лица, в этот момент один из воронов преобильно клюнул гонца в пятку. Он вылетел пробкой из прорехи облака и врезался в драконью пасть. Рёв, вырвавшийся из змеиной пасти, был столь страшен, что у Ерёмки зашевелились волосы на голове. Дабы заглушить жуткий вопль он, оторвав кусок облака, воткнул его в орущую глотку. Змей поперхнулся и забился в конвульсиях. Головы мотнулись из стороны в сторону, и попав под сияющий луч, пыхнули, зачадили и исчезли, будто их никогда и не было. Искалеченное змеиное тело, извиваясь и злобно шипя трясущимися обрубками шеи, продолжало поползти на Ерёмку.

– Культыпка одна осталась, и та норовит пакостничать! – вознегодовал гонец. – Да пропади ты пропадом!

Ерёмка спихнул змея в прореху. Воронье черной тучей кинулось за телом.

– Кар-р-ра! Кар-р-ра! Ер-р-рёмке кар-р-ра! – зашумели вороны.

– Во, колотовки чумазые! – проворчал Ерёма. – Умаяли меня совсем. То снизу грызли, то сверху чуть не слопали! Мне к Прокопычу надо, а тут бейся с аспидами зловерными. Ерёмка глянул вниз и ахнул. Вороны в драку рвали останки змея, перья летели в разные стороны. Когда последний кусок был проглочен, птицы, сделав круг, полетели к черному лесу, где и пропали во мраке.

– Кажись, уцелел, – облегченно выдохнул Ерёма. – Как же мне с небесной тверди на твердь земную воротиться? Ой, а лапоть – скорород мне на что? – хлопнул он себя по лбу.

Поправил обувь на ноге и побежал в сторону озера по облакам. Бежал, бежал Ерёмка, но облака закончились, а дальше – чистое небо. Озеро вдаль манит, сверкает. Вроде и рукой подать, но не добраться. Вновь призадумался Ерёма, как ему на землю спуститься.

– Добежать не могу, допрыгнуть тоже, – поглядел гонец на солнце и взмолился. – Услышь меня и помоги, батюшка Солнце! Ловко у тебя получилось отчекрыжить гадючьи головы! Фьють – и нет их! Не справится и сейчас без тебя. Надобно мне на землю спуститься. Делов неспорот, а я тут канителюсь.

Пылающей стрелой луч пронзил облако. Загорелось оно жаром, мощным рывком вырвались наружу два крыла, поднялась величавая голова. Превратилось облако в белокрылого орла. Клюв золотом сверкает, в лазурных глазах небо отражается, от жемчужных перьев идёт радужное сияние. Взмахнул крыльями орёл и понес Ерему к озеру.

Глава VII

Мохнатые уши Прокопыча так дымили, что озеро затянуло туманом. Влажный берег усыпан светлыми следами босых ног снующего взад-вперёд Лешего.

– Охальники! – негодовал Прокопыч. – Кротких русалочек таким разбойничьим фасоном разобидеть! Репейник под хвост душегубцам!

Русалки плакали навзрыд, спрятавшись в зарослях острой осоки. Венки из кувшинок, украшавшие водяных дев, расплелись и стали похожи на мокрые веники. Снулыми рыбёшками обвисли кувшинки, запутавшиеся в изумрудных волосах русалочек. В центре озера опутанный тиной Водяной, отфыркиваясь в зеленые усы и тяжело вздыхая, то выныривал, то камнем уходил под воду. На поверхность поднимались пенистые пузыри, и в каждом отражалась удрученная физиономия Водяного.

– Уймись! Булькаешь туда – сюда! – сердился Леший.

– Переживания одолели, всю душу на изнанку выворачивают!

– Хлюпало у тебя, а не душа. Это надо же такого маху дать! Хозяин Вод называется! За русалками не мог усмотреть!

– Я-то Хозяин Вод, – обиделся Водяной, – но ты-то Хозяин Леса. Это по твоему лесу лихо бродит, беду несет!

От обидных слов Прокопыч начал заикаться:

– Х-хочешь сказать моя п-провинность? Я за лесом плохо см-смотрел?

– Уж не знаю, – надулся Водяной. – Одначе нечисть по лесу шмыгает, а ты шальным зайцем прыгаешь вокруг озера.

– А ты... ты... мормышка, а не Водяной! – в запальчивости крикнул Прокопыч.

– Я – мормышка?!

Водяной не мог стерпеть такого поношения. От огорчения подскочил на пять саженей вверх, повисел чуток в воздухе, раздувая жабры, да и шлепнулся обратно. Озеро, будто воздушный шар взлетело над верхушками деревьев. Водяной по шею ушёл в вязкий ил. Покружившись над лесом, озеро кляксой упало наземь. Прокопыча окатило с головы до ног, он только и успел, что крикнуть. Водяной, сам не ожидавший такого погрома им учиненного, смущенно присвистнул, растопорщил усы и, обратившись в рака, уполз под корягу. Озерная вода медленно стекла в свое ложе. Встревоженные скандалом сороки застрекотали, воробьи возбужденно зачирикали, испуганные кукушки безостановочно закуковали, и даже разбуженный филин беспокойно заухал. Непонятно откуда послышался жалобный плач русалок. Из леса вышел Стёпка, следом ковылял медведь.

– Ты только послушай, косилапый, какие увертюры пернатые выводят. С чего бы это? – диву дался пёс.

Оглядевшись, медведь пробурчал:

– Видать вновь бранились Водяной и Леший. Неймется владетелям зелёного океана и глубин водных. В тяжелую годину сумасбродство разум помutilo обоим.

Мокрый Прокопыч сконфуженно пробормотал:

– Прав, прав ты, Топтыгин. З атмение нашло на нас с Водяным. В оправдание скажу, что ажитация в душе клокочет от дел неправедных, что творятся в лесу.

Водяной горестно присвистнул из-под коряги.

– Эх вы, владетели, – вздохнул Стёпка, – в пустяшные препирательства пустились. Огорчительно сие до невозможности.

Водяной выполз наружу. Он покрылся тиной, зелёные усы висели до колен, но для красоты в них были вплетены ракушки. Шею украшало ожерелье из живых водомерок, которые никак не желали смиренно сидеть и норовили уползти. Водяной ловил их и загонял на место.

Прокопыч шепнул псу на ухо:

– Совсем умом тронулся мокроусый от беды.

– Что приключилось-то? – также шепотом спросил Стёпа.

– Ночью к озеру прилетели коты.

– Это которые обормоты? Прислужники Князя Тьмы?

– Ну да, будь они неладны! – чертыхнулся Леший. – Прилетели, уселись на берегу и давай своими золотыми когтями сверкать. Русалочки подумали, что лунная дорожка блестит, да и вынырнули.

– В пень-колоду ту лунную дорожку! Какая такая польза от неё? Небось, не малина и грибы, – проворчал медведь.

– Не понять тебе, Топтыгин. Наши девы водяные красоты любят.

– Вот скажи мне, каков прибыток с той красоты? – стал браниться медведь. – Зимой не согреет, летом не накормит!

– Хотели бедолажки лунное злато собрать, спрясть из него нити и своему батюшке мантию вышить узором дивным, чтобы представлялся настоящим Владыкой Вод, а не отсырелым старикашкой с ракушками в кудряшках, – вздохнул печально Леший. – Одним словом, выплыли наверх русалочки. Коты же хватать – похватать их и обкусили хвосты-то. Взаправду, как у обглоданных рыбешек хвосты стали. Девы в слезы, крик подняли. А коты – лиходеи испарились опосля чёрного дела. Такая невзгода вышла.

– Вот какое горе-злосчастье от красотостей ваших происходит! Сидели бы себе на дне, играли с уклеями и корюшками, беды бы не знали, – проворчал Топтыгин.

Из дубравы раздался свист. От свиста того деревья пригнулись, трава полегла. В озере волна поднялась. Прошла она от края до края, выбросив на берег мелких рачков, рыбешек и жуков-плавунцов. Водяной охнул:

– Ох, беда, беда! Разорили мое хозяйство! Совсем разорили! – и, шлепая ногами-ластами по песку, побежал собирать своё добро.

Прокопыч чертыхнулся:

– Тьфу, ты! Этого башибузука нам ещё не хватало.

На берег озера вышел Соловей-Разбойник. Был он роста громадного. Из-под чёрных всклокоченных волос, закрывавших пол-лица, он неприязненно таранился на всю честную компанию. Один глаз его был жёлт, другой лилов. Зелёный кафтан расшит серебром, сапоги хромовые, подковки на них медные. На плече нёс столетний дуб, а в руке мешок, из которого раздавались жалобное хныканье.

– Чего пожаловал? – сердито спросил Леший.

– Ты не бранись раньше времени, – ответил Соловей-Разбойник, снял с плеча дуб и воткнул его по нижние ветви в землю.

Затем развязал мешок и вытряхнул русалок в озеро.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно сказал он, забрался на дуб и захрапел.

Водяной на радостях кинулся к русалочкам. Они повисли на папашиней шее, счастливо виляя обглоданными хвостиками.

– Фу-ты ну-ты, я думал русалки – это ого-го! А тут глядеть не на что! Мелочь пузатая величиной со щуку, – разочаровано пробурчал Стёпка.

– Почто ты, Разбойник, сюда явился, дуб у озера воткнул? Где русалочек наших нашёл? – напустился на Соловья-Разбойника Леший.

Но тот уже не слышал Прокопыча. Он спал, растянувшись на самой толстой ветке. От разбойничьего храпа листва осыпалась с дуба, рябь шла по озеру. Пёс звонко залаял, пытаясь разбудить Соловья-Разбойника, но без толку. Тот и ухом не повел.

Топтыгин крикнул:

– Придется подмогнуть, – и уперся спиной в дуб, пытаясь его свалить.

Дерево не подавалось. Медведь поднапрягся изо всех сил, дуб наклонился, Соловей-Разбойник с грохотом скатился с ветки на землю. Но этого даже не заметил, продолжая храпеть, как ни в чем не бывало.

– До самой ночи теперича нечестивца не разбудить, – махнул рукой Леший.

Стёпка зарычал и цапнул Разбойника за нос, но он только отмахнулся от пса, как от назойливой мухи, перевернулся на другой бок и выдал такую руладу с присвистом, что у всех заложило уши.

– Только усилия свои втуне растрчиваем. Не добиться нам от него путного слова, – согласился косолапый с Прокопычем.

– Эй, омутницы, – крикнул Стёпка русалкам, – хватит висеть на шее у папеньки, плывите сюда и выкладывайте, что с вами приключилось.

– Мы, небось, тоже тревожились, – пробубнил косолапый.

Русалки от криков всполошились и ушли на дно, только их и видели. Водяной хотел нырнуть следом, однако Топтыгин в один прыжок достиг середины озера и, схватив Водяного за зеленые космы, выбросил его на берег, как лягушонка. Затем припав на передние лапы и, подобострастно глядя в глаза, залепетал:

– Не обессудьте, Ваше Бульбулистое Глубочайшество, но общество волнуется, какое такое злоключение с дочками вашими содеялось? А от бескаружника слова добиться не можем. Спит без просыпу, сотню клещей ему в душу!

Водяной по первости хотел было осерчать. Но увидев, что косолапый проявил почтение, чуток почванился, раздувая щёки, и поведал о злоключениях русалок.

Когда озеро взлетело над лесом, дев водяных разметало по деревьям. Кто хвостом зацепился за ветку, кто на лапник попал, да искололся весь, а кто и волосами запутался в листе. А уж как поняли, куда их нелегкая занесла, подняли такой крик и плач, что разбудили Соловья-Разбойника, дремавшего на одном из дубов. Спросонья он чуть с дерева не свалился от испуга. А ведь кто-кто, а Разбойник сам мог испугать кого угодно. И не только леденящим кровь свистом, но своим обликом. Один горящий в ночи жёлтый глаз чего стоил! Пытался Соловей и увещевать русалок, чтобы не шумели, и стращать, но девы были не робкого десятка. Хоть плакать и не перестали, но Разбойника шишками закидали и спать не дали. Повздыхал-повздыхал Соловей-Разбойник, собрал русалок с деревьев и принес к Водяному. По дороге жаловался, что ночью сна нет, Князь Мрака и Тлена лютует. А днем, видишь какое дело, русалки по деревьям гнездятся, сновидения своими криками разгоняют.

– Все славно закончилось. Дочерей моих мне вернули, а хвосты русалочки отрастут и будут лучше прежнего, – жизнерадостно закончил свой рассказ Водяной.

– Хорошенькое дело! – возмутился Стёпка. – Хвосты у них отрастут, понимаешь ли! Ерему, товарища моего верного, в сферы небесные унесло. А им хоть бы хны! Может статься, никогда я более и не увижу его, – и от охватившей печали, пёс поднял голову и завыл на весь белый свет.

– Погодь, Степа, горюниться, – принялся утешать медведь пса. – У нас в Зачарованном лесу добрый человек отродясь не пропадал. Завсегда диковины случаются.

– Не знаю про ваши диковины, Ерёмки нет доселе! Оглянуться не успеешь, уж ночь придет, там и Князь Мрака пожалует. Что тогда прикажете делать?

Тотчас с небес раздался громopodobный шум, округа озарилась ослепительным светом. На головы всей честной компании свалился Ерёмка, державший в руке белоснежное перо. Окаём его серебром переливался, стержень золотился в руке.

Стёпка подпрыгнул на месте и ликующе залаял, от радости позабыв все человеческие слова. Ерёма поднял перо над головой:

– Смотрите, что у меня подарок! От самого батюшки Солнца!

– Эка невидаль, перо! – хохотнул Топтыгин. – Этаких перьев у нас в лесу видимо-невидимо.

– Ну, ты недотёпа, косматый, – ответил Ерёма. – Жар-перо сие! Днём от батюшки Солнца светом наполняется, а ночью огнем горит, аки светило небесное. Вона, каков подарок!

– В чем же ты отличился, что Царь Солнце одарил столь щедро? – полюбопытствовал Прокопыч.

– Ни в чем, – пожал плечами Ерёма. – Если уж по чести признаться, токмо от змея отбивался, да от ворон, что из гиблого места прилетели. Страху ещё натерпелся. Вишь, ещё и портки мне порвали, – пожаловался гонец, озабоченно рассматривая свои штаны.

– Опося что случилось? – стал допытываться Стёпка.

– Дык облако, на котором я сидел, превратилось в орла. Он меня к вам и отнес. Жар-перо подарил из крыла своего.

Водяной прислушался к разговору:

– Погодь – погодь, парнишка! Какие вороны, из какого гиблого места?

Гонец неопределённо махнул рукой:

– Ежели по небу смотреть, то в той стороне болото будет, а рядом с ним корявые деревья. Вылезло чудище угрюмое из болота того, после из него чёрные вороны и полетели громадные. В три аршина каждая!

Водяной почесал затылок, достал из всклокоченных волос мелкого карасика, посмотрел на него, вздохнул и бросил в воду:

– Сдаётся мне, что ты, парнишка, с самим боролся, слепень его загрызи, пиявка задави!

– С кем самим-то?

– С князем, понимаешь, мракобесным.

– Стало быть, пока я тут прохлаждаюсь, Ерёма доблесть совершил? – пригорюнился Стёпка.

– Так я же не нарочно, – стал оправдываться гонец. – Я вообще ничего такого не думал делать.

Пёс открыл рот, ещё поскулить, но его прервал Леший:

– Будет тебе балаганничать. Все идем в мою землянку.

Водяной воспротивился:

– Только русалочки нашлись, а я должен их покинуть, на произвол судьбы бросить!

– Нам надо тайный совет держать, как Князя Мрака победить. В землянке моей вражье ухо не услышит наших планов, – терпеливо растолковал Прокопыч.

– Тогда спору нет, – согласился Водяной.

– У меня аж липовая нога чешется, так хочется оттузить этого князишку, – грозно прорычал Топтыгин и первым потрусил в сторону землянки Лешего.

Глава VIII

Сумерки все плотнее окутывали землю, вытесняя день. Растекающийся полумрак приглушал звуки, поглощал запахи, окрашивая лес в серый цвет. Кое-где ещё было слышно осторожное шуршание ёжиков, да мелькали пугливые тени ночных птиц. Уже первая звезда робко поблёскивала на темнеющем небосклоне, а в землянке Прокопыча шёл военный совет. Леший ходил из угла в угол, в волнении попыхивая дымом из ушей. Ерёма сидел за столом, рядом с ним восседал с важным видом Стёпка, изображая солидного пса. Водяной выглядывал из-под крышки самовара, короной украшавшей его голову. Тяжко Водяному приходилось без воды, вот и пришлось, забыв о своем царском достоинстве, нырнуть в самовар. Места не хватало, и нога вываливалась через кран. Но зато он был в центре стола, и это примирило Хозяина Вод со стеснённым положением. Сурово сдвинув брови, Водяной сосредоточенно следил за разговором. Топтыгин не сумел протиснуться в землянку и застрял в проёме двери, что не мешало принимать ему самое живое участие в беседе.

– Уже темнеет, пора тебе Ерёма надевать лапти-скороходы и идти к Трясогузкиному болоту, – сказал Прокопыч.

– В скорости мрачный душегубец начнет злодействовать. Он завсегда в тёмную пору выползает из своего гиблого места, – кивнул головой Топтыгин.

Стёпке страсть как хотелось вставить хоть пару слов, не зря же он сидел столько времени с глубокомысленным видом. Наконец в его голове забродила некая мысль, он открыл рот и неожиданно для себя чихнул.

– Знаешь что, Прокопыч, апчхи! Ты свои дымоходы-то прикрути, – сердито выговорил сквозь чихание Стёпка. – Апчхи! Мне в единоборство вступать, а тут внутренности от чиха подпрыгивают и нюх отшибает напрочь. Апчхи!

Прокопыч резко развернулся в сторону пса:

– Цыц, оголец! Я думаю.

– Мысли твои шибко чадят, не продохнуть, – насупился Стёпка.

Он хотел ещё что-то добавить, но дверь, в которой застрял Топтыгин, затрещала, зашаталась. Медведь взвизгнул и вцепился лапами в проём. Послышалась возня, кто-то пытался оттащить косолапого. Топтыгин оглянулся и рявкнул:

– Брысь отсюда, мазурик! – и исчез в темноте.

Через секунду в дверях появилась жизнерадостная физиономия Соловья-Разбойника:

– Опаньки, вот вы где! А я проснулся, никого нет. Скучно же!

Водяной негодуяще булькнул и, просочившись через самоварный кран, превратился в огромного сома. Под его тяжестью у стола подогнулись ножки. Сом, шевельнув усами, загудел:

– Нет от тебя, шалопая, продыха ни днём, ни ночью.

– С чего вам отдыхать? – удивился Соловей-Разбойник. – Не пахали, не сеяли, а только лясы точили.

– Много ты понимаешь! Сие консилиум! – многозначительно произнес Стёпка.

– Ты не груби мне непонятными словами! – ополчился Разбойник и даже жёлтым глазом сверкнул.

Пёс почухал за ухом и небрежно бросил через плечо:

– Эх ты, неуч! Сие слово означает, что совет мы держим.

Сом-Водяной застучал хвостом по столу, привлекая к себе внимание. Он беспомощно открывал рот, издавая маловразумительные звуки.

– Чего сипишь? Толково можешь сказать? – Соловей-Разбойник сверкнул на Водяного лиловым глазом.

Тот же только шевелили усами, закатив глаза.

– Батюшки светы! – всполошился Прокопыч. – Окочурится Водяной без воды! Ерёмка, в самовар его, в самовар!

Гонец подхватился, попытался поднять сома. Скользящая рыбина выскользнула из рук и, сломав стол, упала на пол. Сверху свалился самовар, из которого пролилась вода. Сом хрюкнул и превратился вновь в Водяного, который напустился на Соловья-Разбойника, размахивая руками и булькая. Но что он говорит, понять было невозможно.

– Ну, ты бузотёр, Водяной, – засмеялся Соловей-Разбойник.

– М-да, камуфлет случился, – задумчиво произнес Стёпка.

– Все-таки я вас отбузиную! – Прокопыч покосился на хворостину.

– Слушай, – Ерёмка обратился к Разбойнику, – а почему тебя Князь Мрака не тронул?

– Он души собирает, а я бездушный, – радостно засмеялся Соловей-Разбойник. – Мне же всё равно кого грабить! Хоть мальчика, хоть удалыца. Знаю, супротив Князя вы идёте, и я пойду с вами. Засиделся на месте. Надо кровушку по жилочкам разогнать, силу разбойничью показать. Да и Князь мне надоел. Из-за него в лес никто не ходит. Тоскливо без дела-то.

– Давай-ка, окаянец, бери Водяного и тащи к озеру, пока не засох он у нас, – кивнул Прокопыч Соловью-Разбойнику. – Мы тут собираться будем. И тебя ждать. Глядишь и сгодишься для доброго дела.

– С превеликим удовольствием! – Разбойник вытянул Водяного из землянки и бегом припустился к озеру.

Когда Соловей-Разбойник вернулся, все уже были готовы выйти в поход. На Ерёмке чистая чиненая рубаха. Леший заштопал её по-своему зверобоем и полынью, и рубаха уже более походила на кольчугу. Стёпка бегал вокруг землянки, обнюхивая следы. Топтыгин сидел на высокой ели, вглядываясь в сторону Трясогузкиного болота.

– Не видать ничего, – крикнул он Прокопычу. – Притаился супостат, видать чует свою погибель.

– Отправляемся, ребяташки. Ты, Топтыгин, сзади держись. Ты, Ерёмка, головой думай, не горячись. А ты, Стёпка, держи ухо востро, бди за всем, – напутствовал всех Леший.

– А я? Обо мне забыли? – обиделся Соловей-Разбойник.

– Ты, Разбойник, поначалу не высовывайся, прячься. Подмогнешь в трудный момент. Я буду на подхвате, ежели что. Ну, в добрый путь!

Стёпка бежал первым, держа нос по ветру, пытаясь учуять неприятеля. Следом Ерёма, осторожно обходя сухие ветки, чтобы не издавать лишнего шума. Косолапый тяжело переваливался с лапы на лапу, давала о себе знать липовая нога. Да и Соловей-Разбойник спотыкался на каждом шагу, сопел и кряхтел. Не привык он много ходить. Лешего видно не было.

– Долго ещё до болота? – спросил шепотом Ерёма.

– Верст семь, – ответил Топтыгин.

Ерёма оглянулся и вздохнул:

– С таким войском мы к утру доберемся. Вот что, Стёпка, прыгай ко мне на руки, побегим мы в лаптях-скороходах. Вы уж вдогонку, – кинул он к Топтыгину и Соловью-Разбойнику.

После чего подхватил Стёпку и припустил со всех ног.

Глава IX

– Уф, добрались, – Ерёма спустил пса с рук и залег за кустом, осматриваясь.

В вязкой тишине зыбкий свет луны падал на болото. Ржавый лишайник поедал приземистые деревья, обволакивая стволы. Под глухой скрип изломанных веток, бурый мох рваными лохмотьями качался на ветру. К самой топи подходили заросли папоротника, окутанные серой дымкой. В темноте грязно-серая ряска подрагивала в такт скорбным вздохам, идущим из глубины трясины. Время от времени поверхность болота вспучивалась болезненным волдырем, и из тряской пучины шёл надрывный стон.

– Тоскливое местечко, – пробормотал Стёпка оглядываясь.

– Водяной говорил, что Князь Мрака в этом болоте краденые души прячет. Может стать, то они и плачут. Он из них живую силу забирает.

– Бандюган, одним словом, а не князь, лишь бы стибрить чего-нибудь, – подвел итог Стёпка.

– Пора нам, друг дорогой, делом заняться, хватит по кустам отсиживаться. Посторонись, кабы я тебя ненароком не зацепил.

Ерёма достал жар-перо, трижды подкинул его. Перо запылало, озарив ярким светом топкое место и, упав в руки гонцу, обратилось в меч-кладенец. Болотная жижа злобно зашипела, вздыбилась, из неё вышли черные коты. Сверкнув золотыми когтями, набросились они на Ерему. Пёс и тявкнуть не успел, как гонец сверкающим лучом меча рассек княжских прислужников пополам. Их ошмётки ещё не коснулись земли, а уже превратились в воронов и налетели на Ерему:

– Кар-ра! Ерёмке кара!

Гонец рубил мечом направо и налево, черные перья летели в стороны. Стёпка прихватил ворона и так шмякнуло дерево, что у того клюв съехал на затылок. Пёс для порядка рыкнул и выбросил в болото:

– Ещё страшат курицы чумазые!

Трясина с чавканьем поглотила изуродованное тело, будто сжевала. Но через некоторое время ворон вылетел целый и невредимый и присоединился к стае. Между тем стая одолевала Ерёму. Чем больше он их рубил, тем больше их становилось. Чёрная туча кружила над гонцом, не давая сражаться в полную силу. Птицы пытались выклевать глаза, вырвать меч из рук, но кольчуга, которую смастерил Прокопыч из чудодейственных трав, отпугивала прислужников Князя Тьмы. Стёпка подпрыгивал, но достать нечисть не мог. Он рычал и грозно лаял, однако и от этого толку было мало. Пёс совсем обессилел и упал на травку. До него донесся шёпот Прокопыча:

– Я велел голову трудить, а не кулаки! Без ума и хитрости не одолеть вам Князя Тьмы.

Стёпка огляделся, Лешего не увидел, хоть и почуял лесной дух, всегда сопровождавший хозяина леса.

– Не егози, всё равно меня не увидишь.

– Чего прячешься? Боишься? – подначил Лешего пёс.

– Вот ты дурья башка! Я же душа леса. Если Князь Тьмы меня почует, то и погубить может. Без меня лес пропадет. Оттого и прячусь. Вы не с воронами воюйте. В болоте силу они черпают, – прямо в ухо зашептал Прокопыч.

– Я их враз ушучу! – и не раздумывая, пёс нырнул в болото.

Болотная жижа облепила Стёпку, ряска вцепилась в него и облепив со всех сторон, потащила на дно. Пёс успел ухватиться за ближайший папоротник. Дымка, витавшая над растениями, судорожно затряслась почуяв Степана и поползла на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.